

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Виктория ВЛАСОВА

кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: socio.philos@iph.ras.ru

КАК ВОЗМОЖНО СОВМЕСТИТЬ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ С ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ?

Предмет исследования статьи – проблема возможности сохранения патриотической позиции субъектом культуротворчества в ходе его приобщения к глобализационному процессу взаимного единения отдельных этнических культур, обладающих самобытной ментальностью, для совместного решения актуальных социально-политических, экономических, экологических и иных задач современной эпохи. При этом прежде всего рассматривается содержание понятий патриотизма и глобализации в XXI веке, исторические истоки формирования, функционирования и развития, объективно обусловленные особенности этих явлений, тормозящие или стимулирующие позитивный эффект взаимовлияния разных стран и народов. Частичное внимание уделено конкретно-историческому экскурсу – в той мере, в какой он необходим для аргументации авторских выводов, с одной стороны, или для выяснения реальной укоренённости обсуждаемых здесь идей, с другой стороны.

Метод исследования – сравнительно-исторический анализ, позволяющий рассматривать избранный материал не только в линейной, формально-логической плоскости, но и в объёмном пространстве взаимодействия противоречивых, взаимоисключающих сторон изучаемых событий, отношений, характеристик.

Затронутые в статье вопросы пока ещё мало рассматривались в научной литературе, тем более в философском аспекте, хотя сформулированная в заглавии альтернатива сегодня особенно актуальна. Поэтому выводы, полученные в результате предпринятого исследования, также во многом новы. Их смысл сводится к положительному ответу на вопрос о совместимости автономных самобытных культур как участниц глобализации в том случае, если не сводить процессы их модернизации к попыткам унификации уникального гуманитарного содержания. В конечном счёте подлинная общекультурная глобализация должна, сохраняя своеобразие культурных характеристик, приобретённых каждой из них в силу собственного исторического опыта, оставаться центром их притяжения в едином гармоническом «контрапункте» планетарного культуротворчества, формируя единство на базе системы общечеловеческих ценностей, так или иначе присутствующих в каждой из культур.

Ключевые слова: глобализация, патриотизм, культуротворчество, мультикультурализм, культурная политика, унификация, цивилизационный диалог, диалогичная культура, общечеловеческие ценности, модернизация

Ответ на вопрос, поставленный в заглавии статьи, – не просто тема для дискуссионных размышлений. Это животрепещущая проблема нашего столетия. От её теоретического изучения и последующих рекомендаций практического характера зависит судьба всей планеты. В правоте этого утверждения легко убедиться, обратившись к событиям недавнего прошлого и сегодняшнего дня. В результате победы над фашизмом, достигнутой совместными действиями народов и государств во Второй мировой войне, огромные массы людей, принадлежащих к различным этнокультурам, впервые ощутили себя субъектами социального прогресса в глобальном измерении. Следствием этого факта во второй половине XX в. стало осознание ими собственных творческих потенциалов, а значит, и собственной исторической ответственности перед будущими поколениями за свой свободный выбор в сфере культуротворчества. Этому способствовал и постепенный распад системы колониальной зависимости. Однако реализация вышеупомянутого национального или этнического самосознания во взаимоотношении автономных культур друг с другом, особенно в ходе нарастания глобализационных тенденций, в настоящее время имеет свои плюсы и минусы. Какие из них возобладают в будущем, в очень большой мере определяется конкретными предложениями по поводу обозначенной в заглавии настоящей статьи задачи.

Дело в том, что в наше время, с одной стороны, взаимопроникновение финансово-экономических, политических и иных интересов разных стран уже достигло так называемой точки невозврата. Это подкрепляется успехами научно-технической революции (в частности, в области

сбора, хранения и передачи информации, а также в ходе предоставления коммуникационных услуг и т. д.), которые сделали доступными немислимые ещё несколько десятилетий назад способы наследования внутри и между культурами, взаимного обмена духовными ценностями. А с другой стороны, поскольку подобные ценности всякий раз вырастали на уникальной этноментальной почве, их создатели и носители имеют фактические основания для претензий на признание либо своей «творческой автономии» в духовном пространстве так или иначе складывающейся глобальной культуры, либо даже граничащее с диктатом безусловное лидерство в её пределах. Однако процесс культурной глобализации, который мы наблюдаем сегодня с большими или меньшими противоречиями относительно его внутренних составляющих, свидетельствует о том, что возникающие иногда центробежные, чтобы не сказать изоляционистские, силы (действующие добровольно или принудительно), а в равной степени и стремление к мировому господству в культурной сфере резко снижают позитивные ожидания созидательной практики всего человечества.

Такая ситуация объясняется тем, что реализация первой из указанных выше субъективных тенденций культуротворчества рано или поздно ведёт к консервации традиционных (в веберовском значении этого термина) установок материального и духовного производства. В конечном счёте это способствует вымыванию культур такого рода с исторической сцены в целом. Не менее печальная участь может постигнуть и те этнокультурные образования, ментальная самооценка которых значительно ими завышена. Их инициаторы, как правило, намерены укоренить в общественном сознании человечества исключительно собственные, единственно верные и достойные, с их точки зрения, идеалы и нормы культуротворчества в противовес всем иным. Средства осуществления подобных замыслов бывают самыми разными, начиная с внедрения специальным образом оформленных и сомнительно аргументированных ценностей своей культуры и кончая прямым принуждением или угрозами такового. Исторических примеров у нас достаточно. Меньше чем за 100 лет мы пережили и фашистскую агрессию, и коммунистический диктат, и, наконец, так называемую холодную войну во второй половине XX в. А сегодня мы наблюдаем стремление к тотальному господству псевдоисламского терроризма и, что ещё опаснее в этих условиях, рецидивы «холодной войны», раскалывающей человеческое сообщество вместо того, чтобы объединять его в рамках глобальной культуры для борьбы с этой опасностью.

К вышесказанному необходимо добавить несколько слов о конкретных методах описанной негативной культурной политики и в первую очередь о том, что субъектом её проведения обязательно оказываются либо собственно государственные структуры, ответственные за решение глобализационных проблем, либо более или менее крупные, обла-

дающие весомым в обществе авторитетом гражданские объединения и общественные движения, способные воздействовать на повседневное сознание обывателя. Именно их усилиями формируется арсенал эффективных в указанном плане средств ментального влияния. К ним относятся самые разные факторы экономической, образовательной, художественной и т. п. деятельности: откровенная реклама определённого образа жизни и идеологической парадигмы, пропаганда вытекающих из неё и заданных в средствах массовой информации стандартов действия, поведения, мышления, чувствования, общения и пр. Особое место в ряду связанных с этим усилий занимают манипуляции (например, через секты) религиозным выбором людей и прежде всего молодёжи; спекуляции ложной информацией и едва ли не клиничко-психологическое вмешательство в частную жизнь человека на разных стадиях его культурного опыта. Сюда относятся даже такие способы привлечения масс к своей ценностной позиции, которые криминалисты характеризуют как «практику доверия». Речь идёт о наивных или недостаточно образованных объектах мошеннической деятельности, которые в силу тех или иных причин легко поддаются внушению, убеждению и потому попадают в сети «пророков» и проповедников, экстрасенсов и магов от социальной политики с их тщательно разработанными технологиями зомбирования своих клиентов. Целью всех подобных ухищрений является построение глобальной модели матричного сознания, так сказать, «по образу и подобию», обусловленному глобализационными, а точнее, геополитическими интересами субъектов описанной унификации культуры.

Историческая практика показывает, что рано или поздно возникает сопротивление такой унификации, и не только на уровне индивидуального поведения, но в ещё большей степени в массовых масштабах. А если не желают унифицировать свою культуру подобным образом целые народы и государства, то эти попытки самоутверждения, с одной стороны, и, наоборот, сохранения собственного менталитета и своих культурных корней, с другой стороны, приводят к региональным конфликтам этнического, религиозного, политического и т. п. характера. Трагические последствия этих конфликтов могут поставить под вопрос мирное сосуществование человечества в целом. И если признать эти выводы справедливыми, то выходит, что следует отказаться от проведения унификационной культурной политики в ходе развёртывания глобализационных процессов. В этом случае вообще нельзя было бы говорить о возможности глобализации культуры как таковой в современном мире. Однако именно сегодня, как никогда прежде, выросли потребности в общении различных этнокультур, во взаимном обмене друг с другом историческим опытом. Ведь как бы ни заботились отдельно взятые страны о своих эгоистических интересах, именно во имя оптимального соблюдения последних они вынуждены соприкасаться и взаимодействовать с

чуждыми им ментальностями других народов, тоже стремящихся к удовлетворению своих потребностей. И эта особенность нашей эпохи доказывает возможность и служит объективной предпосылкой построения именно глобальных схем культуротворчества.

Закономерно возникает вопрос: можно ли отыскать такие формы унификации нестыкующихся на первый взгляд друг с другом культур в современной этнической или национальной полифонии, которые позволили бы привести их к общему знаменателю, на основе чего сохранилась бы их стабильность и прогрессивное развитие? Ответ, разумеется, положительный. Более того, предлагаемая практика осуществляется на самом деле и уже достаточно давно. Но это отнюдь не означает, что сам вопрос потерял свою злободневность. Во-первых, убыстряются темпы социально-экономического движения, а потому конкретные исторические условия всех вписавшихся в глобализационный проект видов деятельности резко изменяются, задавая всё новые и новые его ценности, программы и смыслы. Во-вторых, происходит постоянная модернизация культуротворческих установок пока ещё противостоящих одна другой этноментальностей. И задача нынешних поколений историков, социологов, культурологов, философов и прочих исследователей гуманитарной проблематики прошлого и настоящего заключается в сравнительном анализе объективных характеристик, закономерностей, а главное – степени эффективности этих процессов модернизации в планетарном масштабе. Такой анализ развернулся в последнее десятилетие и в отечественной, и в мировой литературе, и именно эта постановка проблемы обещает богатые и полезные результаты.

Неудавшимся практическим вариантом решения обозначенной проблемы уже окончательно считается провал европейской политики мультикультурализма. В самом начале осуществления этого замысла казалось, что он удовлетворяет теоретическим представлениям о сущности глобализации, поскольку объединяет в рамках одного политического сообщества разные этнические образования. Причём одно из главных достоинств мультикультурализма видели в демократичности форм его реализации. Однако сегодня, когда настало время подводить итоги, оказалось, что объединение различных этнокультур в границах единого гражданского общества носит лишь механический характер. Это простая сумма разных ментальных установок, каждая из которых живёт по своим собственным внутренним, исторически апробированным законам и правилам. Более того, пропасть между разными образами жизни, свойственными каждой из них, всё больше углубляется, так как дело не ограничивается культурной замкнутостью переселенцев. Наоборот, они всё чаще и всё решительнее требуют, чтобы население тех стран, где они прижились уже не в первом поколении, не просто уважало их обычаи и считалось с ними, но присвоило их, заместив ими существовавшие прежде собственные ценностные установки. Главное,

что результатом мультикультурной политики не стала органичность объединения разных этносов внутри единого государства. Для преодоления практических трудностей в поисках оптимального решения этих вопросов необходимо, по-видимому, переосмыслить программу теоретически, т. е. взглянуть на содержание общекультурной глобализации в следующих двух аспектах.

Первый связан с измерением количественных показателей совершенствования культур в разных странах, а потому гарантирует их сравнимость и совместимость в пределах единой ценностной шкалы по принципу «больше-меньше», «выше-ниже» и т. п. В такой ситуации унификационная культурная политика не только оправдана, но и неизбежна, если мы заботимся о взаимных влияниях народов и государств в ходе передачи ими друг другу сокровищ собственного исторического опыта. Для этого необходим единый монологический язык, который и вырабатывается в результате глобализации, унифицирующей вклады своих участников в развитие мирового прогресса через количественную оценку их цивилизационных достижений. Здесь можно было бы возразить, что как раз доцивилизационное состояние культуры реализуется в монологическом отношении между поколениями, так как её «открытия» сакрализуются, а значит, не подлежат обсуждению в диалоге. Это было бы верно, если не учитывать, что речь идёт о принципиально разных монологах. В архаичных культурах авторы монолога – сверхъестественные существа (даже умершие предки обретают мистическую силу). В цивилизованном же обществе монолог в культуре – это передача *научно-технических знаний* из поколения в поколение. Его автором является человечество, обретающее эти знания по мере практического освоения окружающего мира и самого себя. Правда, указанное обстоятельство не исключает сосуществования обоих видов монолога в рамках цивилизованной жизни общества (в частности, даже в магических процедурах, на которые ориентированы сегодня многие люди, а также в религиозных верованиях, задающих сакральные догмы и символы веры). Но это сосуществование не отменяет их принципиального различия, отмеченного в тексте.

Всё было бы просто и можно было бы ограничиться в исследовании глобализационных процессов констатацией унифицирующих тенденций, если бы культура носила исключительно монологический характер. Но, к сожалению, а скорее, к счастью, собственно сущностное содержание культуры, понятой как творческое отношение человека к объективной реальности, к своему сознанию и деятельности [15], детерминируется её диалогичностью. Эта характеристика реализуется в нескольких направлениях. Во-первых, она представлена в качестве диалога субъекта культуротворчества с потребителями его продуктов. Характерно, что для осуществления такого диалога нужно, чтобы не только субъект культуротворчества, но и потребитель его продуктов был творцом, т. е.

обладал собственным взглядом на мир как объект преобразовательной деятельности. Во-вторых, это диалог между различными потребителями культурных продуктов в горизонте одной и той же культуры по поводу их социальной, политической, этической, эстетической и т. д. значимости в повседневной или исторической практике. В-третьих, мы имеем диалог определённой современной культуры со своим прошлым, точнее, с вековой памятью общества как хранилищем его этноментальных корней. В-четвёртых, это может быть диалогом творца культурных продуктов с самим собой в ходе самооценки его созидательного потенциала. Наконец, в-пятых, и это наиболее актуально в проблемном поле данной статьи, речь идёт ещё и о диалоге разных культур в процессе глобализации (подробно о диалогической и монологической составляющих культуры см. [3, с. 31-42]). Последнее означает, что каждая из вступающих в диалог культур стремится сохранить в нём свою субъектность, опираясь на уникальные ценности, транслирующие из поколения в поколение с древнейших времён собственный культуротворческий код. Отсюда вытекает необходимость выработать ещё одну форму глобального языка, на этот раз для диалогического общения своеобразных, неповторимых культур.

В итоге, наряду с унификационной составляющей глобализации культурного пространства, которая строится на учёте количественно измеряемой преэминентности научно-технических завоеваний, не менее востребованной оказывается противоположная компонента этого процесса. Она призвана не просто обеспечить объединение его участников (несмотря на их кажущуюся несмыкаемость) в качестве обыкновенного механического интеграла, где от перестановки мест слагаемых сумма не меняется, а гарантировать такое органическое их единство, в котором, ориентируясь на самостоятельную, самобытную субъектность, все они тем не менее способны были бы на гармоническое слияние друг с другом в едином контрапункте мировой культуры.

Для обеспечения подобной ситуации необходим диалог как обмен мнениями в целях взаимопонимания, взаимовлияния и взаимодействия субъектов – носителей неповторимых культурных данностей. И это единственный путь формирования, закрепления и развития мировой культуры как целостного организма, особенно в наше тревожное, опасное, чреватое вырождением гуманистического творчества время. Так что создание специального языка международного, а лучше сказать в данном случае, межэтнического культурного диалога – неотложная потребность ближайшей глобализационной практики. Не отказывая своим носителям в признании их качественного своеобразия, воплощённого в культурно-историческом наследии, он в то же время должен быть в известном смысле однозначным, т. е. опираться на общий для всех соучастников культуротворческого процесса ментальный фундамент.

Решению подобной задачи вполне могла бы способствовать унифицирующая функция культурной глобализации. Однако «центробежная» тенденция, связанная с неоднородностью субъектов глобального культуротворчества, наводит на мысль об утопичности самой идеи единого языка культуры, способного фиксировать глобальные результаты её развития. Так ли это на самом деле? Ответ на этот вопрос и составляет предмет дальнейшего изложения. Он напрямую связан с проблемой возможности совмещения патриотической позиции творца в рамках ориентации на собственные духовные ценности с объективными требованиями рождающейся единой мировой культуры. Итак, начнём с обсуждения «утопичности» предлагаемой унификации культуры через диалог. Реальные исторические события, начиная с глубокой древности, и в более поздние времена демонстрируют нам очевидные доказательства того, что взаимопроникновение разных этнокультурных принципов в ходе объединения народов если не в планетарном, то, по крайней мере, в региональном плане (но и в этом качестве эти события следует рассматривать как глобальные) осуществляется посредством переосмысления их духовной сути тем или иным образом и даёт в итоге ростки будущего развития культуротворчества. Другими словами, вовсе не только научно-технические, экономические, социальные подвижки глобализационного типа, но и духовно-ценностные вклады субъектов самых разных этнокультур представляли собой обязательный строительный материал для фундамента общего «культурного дома» человечества в разные эпохи его существования. Здесь можно вспомнить, например, о религиозных преобразованиях. В частности, показательно в этом отношении приобщение многоликих языческих представлений и древнейших мифологем к иудаистской, христианской и даже мусульманской монотеистической теософии в ходе превращения этих ценностно-духовных концептов в мировые религии. Указанная связь была подробно прослежена в трудах Дж. Фрэзера, З. Косидовского и других исследователей очерченного круга проблем [12; 13; 16]. Но потребовалась кропотливая работа этих учёных, чтобы сделать очевидной такую связь. Это говорит о том, насколько органично совместились в указанном приобщении качественно разные данности исходного сакрального материала.

Подобные взаимопроникновения можно обнаружить и в осколках мифических сюжетов, вкраплённых в ветхозаветные сказания о сотворении мира и первых людей; о грехопадении; вселенском потопе; происхождении народов от сыновей Ноя; о радуге как знамении договора Бога с людьми; о Вавилонском столпотворении [2, гл. 1, 2, 3, 5]. Не менее убедительные факты встречаются и в дальнейшем изложении библейских сюжетов – о трёх Ангелах в гостях у Авраама (истолкованном православием как явление Троицы); о жертвоприношении Авраама; о богоборчестве Иакова на реке Иавок [2, гл. 18, 22, 32]. Культурно-диалогические отсылки к язычеству или мифологические аллюзии, по край-

ней мере, в сюжетном происхождении и в некоторых традиционных установках сознания Древнего Востока, заключённых в этих сюжетах, присутствуют также в книгах Иова и Екклесиаста. И это несмотря на глубочайший религиозно-философский и даже философско-исторический смысл содержащихся в Ветхом Завете сказаний Библии, взятой в целом как священная книга христиан. Ещё в большей степени, но, пожалуй, менее очевидно присутствует описанная выше тенденция привлечения и переосмысления прошлого и, что гораздо важнее в нашем случае, разнородного этноментального идеологического материала в Новом Завете. Особенно часто это встречается в тех местах, где Иисус учит людей добру, любви, альтруизму, так как именно здесь наблюдается явное влияние конфуцианства, буддизма и прочей восточной мудрости.

Тем самым на примерах движения религиозного сознания разных народов в сторону глобализации их ценностных установок можно убедиться в следующем. Здесь имеется в виду не абсолютное, планетарное объединение, а, если можно так выразиться, частичная, «региональная» тенденция к образованию мировых религий как таковых на развалинах политеистического мировоззрения. Существует реальная возможность их слияния по мере большей или меньшей актуализации их содержания в качестве средств решения насущных социальных задач. На это указывают позитивные результаты исторической работы, как правило, в отсутствие насилия, манипуляции сознанием и им подобных способов навязывания чужеродной ментальности. Однако справедливости ради нужно признать, что процессы сближения, а тем более совмещения изначально качественно не тождественных продуктов культуротворчества и приёмов их создания были иногда следствием разнообразных форм давления. И в этих случаях мы имеем, по сути дела, аналог сегодняшней унифицирующей глобализации в её ограниченных или вовсе уродливых проявлениях. Подобный пересмотр ценностной ориентации, подстраиваемой в нужном ключе, в конце концов чреват вырождением её субъектности, самостоятельного участия в культурном созидании.

Конечной целью подобного пересмотра «пересекающихся» ценностей мировых религий служит стремление так или иначе политизировать их содержание применительно к формулированию задач на злобу дня, которые вытекают из эгоистических интересов инициаторов такого перетолкования. Достаточно вспомнить глобальные претензии исламского радикализма. Аналогичная ситуация наблюдается и в некоторых течениях художественной деятельности. В частности, постмодернистская методология настаивает на актуализации архаики как способа выхода за пределы рационально структурированного видения мира. Это приводит к двум взаимоисключающим тезисам. Первый состоит в отрицании возможности культурной глобализации как таковой, поскольку целью любой культуры является по определению возврат к собственным, самодовлеющим её истокам и противостояние в этом отношении –

без всяких оговорок – всем остальным культурам. Второй тезис, напротив, утверждает необходимость унифицирующего перетолкования смысла художественной деятельности вообще, переориентации всех субъектов культуротворчества именно в этом духе в качестве исходного момента созидания. Тем самым закрывается возможность двигаться вперед разными путями, хотя и в рамках глобальной практики.

Описанное перетолкование культурных данностей в качестве способа решения глобализационных проблем (даже когда оно работает на унификацию самобытного культурного материала через подражание навязываемому образцу) всё равно есть акт диалога – осознанного или интуитивного, добровольного или протестного, творческого или эпигонского. В самом деле, ведь в этом акте всегда участвуют по крайней мере два субъекта культуротворчества. И здесь наиболее серьёзной проблемой является различие указанных вариантов построения мировой культуры с позиций совокупных интересов человечества как целого. В свою очередь, ответ на этот общий вопрос требует предварительного выяснения критериев перетолкования устоявшихся ценностей отдельно взятых культур. А с другой стороны, следует проанализировать, насколько эти критерии совместимы с перспективами планетарного единства суммарного концепта культуротворчества.

Различие между двумя типами построения глобальной культуры состоит в том, что они базируются на противоположных методологических платформах. Унификация, отождествляющая разные культуры через количественную определённость глобализирующейся системы ценностей, строится на монологическом содержании культурного процесса. Противоположный же тип глобализационной тенденции в истории современной цивилизации, понятой как достаточно высокая степень развития культуры у самых разных народов, осуществляется в диалогическом их соприкосновении. Это значит, что их объединение в данном случае опирается не на количественное, а на качественное различие их ценностного содержания. Отсюда и возможности многообразного усвоения их смыслов, порождающие творческую самостоятельность участников глобализационного процесса взамен пассивного подражания. Здесь следует добавить, что подобная «диалогизация» так или иначе присутствует в унифицирующих тенденциях в доцивилизационный период культурного существования, где взаимовлияние разных ценностных установок может быть результатом агрессии или мирной ассимиляции. В тех случаях, когда результат подобного взаимопроникновения ценностных принципов сказывается в их совершенствовании, имеет место указанное диалогическое общение, осуществляясь, правда, как правило, через интуицию. Причина исключительности такого способа в том, что средства рациональной рефлексии в это время ещё весьма слабо развиты. В том же случае, когда мы стремимся выстроить современную мировую культуру, которая могла бы принять в себя множество

самостоятельных, своеобразных в своём историческом опыте культур, определяющихся тем самым диалогической формой их существования вместе с другими, то решающей в процессе глобализации становится их способность к общению и потребность в нём. Вопрос о средствах подобного общения, как уже было отмечено выше, выходит на первый план в теоретических исследованиях и практическом моделировании, а проблема гармонизации разнородных ценностных ориентаций становится первостепенной. И здесь важно заметить, что весь этот круг задач не может даже обсуждаться без предварительного выяснения, что такое патриотизм вообще по своей сути, какие формы он принимает в своём историческом движении и чем эти формы задаются.

Ещё гегелевская диалектика показала, что взаимоисключаемость сторон в развивающихся явлениях представляет собой в то же время обязательную предпосылку их единства, источник развития всего целого. И хотелось бы обратить внимание прежде всего на этот аспект проблемы, так как именно диалектический подход к пониманию сути современной глобализации и её исторических задач снимает многие трудности их решения, открывая перспективу превращения факторов, казалось бы, тормозящих социальный прогресс, в стимулы его эффективного осуществления. Конечно, само по себе изменение взгляда на объективный процесс ничего не меняет в практике его преобразования. Но построение на его основе новых способов культуротворчества и их внедрение в жизнь мирового сообщества могут иметь глубокие исторические последствия. А потому хотя бы краткое обоснование обозначенной в заглавии идеи о том, что глобализация и патриотизм – это два взаимообуславливающих момента, задающих вектор исторического движения в нашу эпоху, не только возможно, но и необходимо. При этом, разумеется, нельзя ограничивать сущность глобализации исключительно унификационными процессами, а смысл патриотизма сводить к тем или иным формам культурной самодостаточности и вытекающему из неё радикальному изоляционизму. Напротив, в XXI в. необходимо рассматривать глобализацию как некий продвинутый вариант синойкизма современных культур в ходе решения человечеством стоящих перед ним глобальных проблем. Поясним для тех, кто не является специалистом-историком, что синойкизм – это социальный процесс объединения в результате взаимодействия и взаимовлияния разных этнических культур с целью решения тех или иных актуальных социально-исторических задач. Наиболее ярким примером эффективной практики синойкизма был Древний Рим, выросший из слияния италийского, греческого и этрусского этнических образований (обитавших на семи холмах над Тибром) и превратившийся со временем из города-государства в мировую империю.

Чтобы понять, как возможна политика синойкизма сегодня, следует выяснить, в чём состоит методологическая особенность дефинитивного подхода к явлениям глобализации и патриотизма в качестве составляю-

щих современного общественного прогресса, и кратко проследить генезис их становления и развития. Поскольку о глобализации было сказано в этом плане уже немало, обратимся к анализу понятия патриотизма. В обыденном языке слово «патриотизм» означает любовь к своей стране, к своему народу, которая выражается в готовности защищать их и от прямой внешней агрессии, и от нападок клеветников, не уважающих родину, оскорбляющих её своими безосновательными домыслами или просто унижающих достоинство соотечественников. При этом у каждого народа свои проявления патриотических чувств. Например, характерная особенность российского патриотизма состоит в том, что мы сами критикуем свои недостатки, смеёмся над своими просчётами, но не позволяем этого делать другим. Такое отношение к отечеству похоже на ситуацию в семье, члены которой любят и уважают друг друга, трезво оценивая поступки каждого из них, но не позволяют обидеть своих родителей, братьев, сестёр, детей. Однако, наряду с вышеописанным бытовым, существует ещё и общее для всех народов философское понятие патриотизма, содержание которого гораздо шире и глубже, чем представленное в быту. Речь идёт о связи патриотического чувства с историей каждого народа, с его происхождением, обстоятельствами его жизни в кругу соседей, с ценностными предпочтениями, сложившимися в результате влияния этих обстоятельств, одним словом, с первичными культурными корнями, лежащими в основе формирования определённой этноментальности. Иначе говоря, патриотизм представляет собой некую функцию народной культуры, которая обязательна к исполнению в заданном этой культурой виде.

Означает ли такое понимание патриотизма, что он принципиально несовместим с ценностями других самобытных культур, субъекты которых также являются в обязательном порядке патриотами своей культурной истории? Здесь уже был задан этот вопрос, но каждый раз он возникал в разных поворотах рассматриваемой проблематики. В ближайшем изложении речь пойдёт о поисках ответа в аспекте исследования конкретных исторических событий, обстоятельств, особенностей субъектов этого процесса в меняющемся мире, которые являются в наши дни выразителями патриотической позиции как в тех культурах, которые стремятся к единообразию глобализирующихся ценностных принципов, так и тех, которые настаивают на сохранении собственных уникальных ценностей. Именно в этой конкретике и суммируются причины различия самого понимания патриотического чувства, о котором говорилось выше. Выводы из этой ценностной дилеммы, содержание которых обязано своим происхождением многим причинам, о чём разговор ещё впереди, детерминируются, кроме всего прочего, толкованием сути общественного блага и путей его достижения в нормативных возможностях данной культуры. В этом плане патриотическое чувство предстаёт не как равнозначная среди других, случайная, «плоскостная» характеристика той или иной культурной идентичности в её отношении

к иным подобным. На самом деле оно оказывается «объёмным», т. е. субстанциально значимым, и так или иначе проявляется у всех субъектов культуротворчества, хотя и формируется из разных источников и в разных условиях. Соответственно могут возникать и разные формы проявления патриотизма, в том числе превращённые. В таких случаях он оказывается ложным, иллюзорным, что, к сожалению, не отменяет искренности тех, кто его исповедует.

Чтобы не быть голословными, обратимся к иллюстрациям сказанного выше в исторической реальности. Для примера здесь наиболее пригодными представляются конкретные события, имеющие отношение к формированию патриотической ориентации в ментальности народов Соединённых Штатов Америки и России. Причина такого авторского выбора заключается прежде всего в том, что обе эти страны складывались изначально как полиэтнические государственные образования. И хотя в каждом из них процессы объединения не совпадающих друг с другом культур разделены во времени почти тысячелетием, в изучаемой связи это обстоятельство не является решающим для избрания материала, аргументирующего позицию исследователя. Существенным же становится сам событийный ряд осуществления указанной «микроглобализации», создававшей непосредственные объективные предпосылки для возникновения той или иной *формы* проявления рождающихся при этом патриотических чувств как таковых. А самое главное в этом анализе – это детальное рассмотрение таких форм, их взаимосвязи с содержанием выраженного тем самым чувства по существу.

И здесь мы находим богатую пищу для размышления, поскольку и в американской, и в российской моделях процесса формирования патриотического отношения к своей земле и своим соплеменникам (согражданам) существует множество вариантов функционирования, суть которых определяется частными признаками менталитета их носителей – как групповых, так и индивидуальных. Это могут быть отрефлектированные или интуитивные, адекватные или превращённые формы патриотизма, вдохновлённые религиозными или общекультурными интенциями, которые опираются на укоренённые в собственном историческом опыте принципы или на привнесённые извне. Только внимательно рассмотрев перечисленные формы реализации патриотических чувств, можно с большей или меньшей основательностью сделать вывод о совместимости или несовместимости патриотизма с глобализацией в современном мире и указать, какими именно средствами эта проблема решается радикально и для всего человечества. При этом очень важно учитывать, что в какой бы форме ни проявлялось патриотическое настроение, оно всегда нацелено на благо своего народа, своего государства.

Отсюда следует, что природа патриотизма, как уже было выше отмечено, в сущности одна и та же вне зависимости от того, насколько глубоко осознано это чувство в обывательском или профессиональном

понимании. Это очевидно уже из того факта, что патриотизм имеет общую дефиницию для философии, исторической науки и обыденной жизни. Несовпадения же начинаются там и постольку, где и поскольку разнятся между собой заложенные в его фундаменте духовные принципы и в какой мере последние могут быть увязаны с общечеловеческими ценностями в их повседневном выражении – в поведении их носителей, в оценках происходящих вокруг событий, в интенциональной структуре их деятельности. Здесь необходимо сделать небольшое отступление в доисторическое прошлое. Как известно, первичный, интуитивный уровень реализации патриотического чувства имеет место уже в мифологическом сознании дикаря и варвара, когда свои собственные правила, представления, предпочтения, привязанности, сакрализованные кровнородственными отношениями, они противопоставляют тем же факторам у соседей как категорически неприемлемым, чуждым и даже враждебным себе в силу отличной от привычной для них конкретики этих установок. В результате «сотрудничество» с иными культурами, за редким исключением, вызванным особыми обстоятельствами, отвергается. Такая ситуация объясняется главным образом тем состоянием культуры, которое повсеместно характеризует её в начальные периоды существования человечества: отчуждение человека от природы, вызвавшее к жизни потребность в апелляции к защите сверхъестественных сил, и отчуждение человека от человека в рамках противостояния в междоусобных родовых, племенных и т. п. конфликтах. Их причиной, следовательно, выступают не только споры о территориальных границах пребывания субъектов. Аналогичные «битвы» встречаются сплошь и рядом и в мире животных. Более значительную роль в человеческом общении играет стремление защититься от посягательств со стороны чужаков и утвердить превосходство своих *духовных кумиров*, а также связанную с их культом обрядовую магическую деятельность.

Приведённый исторический экскурс открывает тайну связи формы воплощения патриотического чувства и реальных условий практики, в которой оно зарождается. А именно, отчуждённая стихия существования воспринимается сознанием постепенно осваивающего её человека исключительно в превращённой форме постольку, поскольку ему позволяет это сделать наработанный опыт познания окружающего мира и самого себя. Сам же этот опыт фиксируется преимущественно в эмоционально окрашенных фантазиях, символах, синкретичных образах. Иначе в ту эпоху было нельзя, потому что рациональных средств постижения сферы своего обитания с её полезными и вредными эффектами было слишком мало. Они только начинали развиваться и не могли обеспечить абсолютно адекватного представления об объектах архаичного культуротворчества. Возвращаясь в современность, мы находим ту же картину, правда, с серьёзными поправками на вы-

сокоразвитое абстрактное мышление, далеко ушедший вперёд технический прогресс, существование глобальных проблем человечества, требующих совместных усилий для своего решения. Однако вся важность этих поправок, меняющих в конечном счёте актуальную на сегодняшний день объективную ситуацию (по сравнению с древностью) благодаря накоплению и фиксации общих для всей мировой культуры приобретений, не устраняет факторов, конституирующих превращённые формы общественного сознания.

Дело в том, что уже проанализированная выше монологическая структура овладения инициациями прогресса принципиально не может быть конфликтной, так как она зиждется на однозначных установках искателя истины – наблюдении естественных фактов, экспериментально-целевом исследовании и пр. И тем не менее остаётся существенно необходимой та сфера культуры, где объект наследования (и по «горизонтали», и по «вертикали») сохраняется диалогичным, многозначным, пригодным к перетолкованию, одно значение которого не пересекается с другими. Такое положение неизбежно в тех аспектах развития культуры, которые связаны прежде всего с ценностным осмыслением культурных данностей. Статус носителя той или иной ценностной позиции в современных социокультурных обстоятельствах вытекает в таком случае из его самобытной ментальности, укоренённой в приобретённом им неповторимом историческом опыте создания уникальных культурных продуктов. В итоге вырастающие из этого опыта патриотические чувства (будь то в адекватной или в превращённой форме) строятся приблизительно по той же схеме, что и в мифологическом сознании с его ларами, пенатами и другими домашними божками – хранителями семейного очага (родовой идентичности).

Доказательство этого тезиса содержится далее в обещанном рассмотрении конкретно-исторических сведений о происхождении патриотизма в России и в Соединённых Штатах Америки. Эти страны избраны здесь как наиболее чётко выражающие противостояние современного геополитического противостояния, по крайней мере, в представлениях многих людей и даже организованных групп. А геополитические отношения непосредственно связаны с проблематикой совместимости глобализационной культурной политики с культурной самостоятельностью отдельных народов на основе патриотических принципов. Обратимся сперва к выяснению ценностной ориентации, изначально породившей патриотическое чувство американцев как причину и в то же время следствие осознания их идентичности в качестве нации, самостоятельно творящих собственную, отличную от других, культуру. При этом важно отметить, что становление нации на территории так называемого Нового света – процесс достаточно недавний, развернувшийся всего два с половиной столетия назад в результате победы местных колонистов-пионеров в борьбе за независимость от Великобритании. Таким обра-

зом, можно констатировать, что исторические корни рассматриваемой культуры, а значит, и патриотического сознания её создателей не очень глубоки. Но это вовсе не означает, что они не крепки.

Это можно легко понять, если проследить, какие именно события европейской истории привели к массовому исходу на недавно открытый континент англичан, голландцев, французов, немцев и жителей других стран наиболее цивилизованного западного мира. Самой судьбоносной с этой точки зрения, без сомнения, является Реформация и сопровождавшие её акты агрессии, насилия, едва ли не братоубийственные конфликты. Самое главное – общие религиозные гонения на протестантов всех мастей. Хотя эти гонения не достигли своей цели до конца и повсеместно, но предпринятые усилия оказали значительное побудительное влияние на стремление «еретиков» обособиться в духовном отношении, создать новую политическую доктрину, уравнивающую всех людей в правах (на жизнь, на собственное мнение, на защиту своих интересов и т. д.), и добиться свободы не только в социальном, но и в хозяйственно-экономическом плане. Прежде феодальные путы серьёзно осложняли начавшую формироваться в Европе практику капиталистических отношений и в материальном, и в духовном общественном производстве. Поэтому главной ценностью для тех, кто покинул Старый свет, стала демократия, связавшая воедино все упомянутые лозунги. На этом фундаменте и вырос патриотизм первопоселенцев Америки.

Но чем больше укреплялась концепция национального единства на описанной выше идеологической платформе, тем более парадоксальной становилась ситуация его воплощения в жизнь. Придя на чужую землю, бывшие поборники веротерпимости превратились со временем в борцов против язычества. Конечно, это противостояние коренным жителям Северной Америки не было столь откровенной религиозной войной, как Конкиста. И в основе его были, по сути, чисто захватнические цели (собственно, такая же подмена видимых намерений характеризовала и испанских завоевателей). Но мотивы превосходства цивилизованной веры и, в соответствии с ней, образа жизни над варварскими обычаями «дикарей»-индейцев всё же оставались главным оправданием их притеснения или уничтожения. На этой почве вызревало и другое, не только антидемократическое, но и антигуманное отношение к «чужакам». Так появились невольничьи рынки и размежевание людей по расовому признаку, итогом которого стало исключение из правового сектора политической деятельности фактического большинства населения США на целые столетия. Даже само фундаментальное право на жизнь и самозащиту не было его достоянием.

В конечном итоге все подобные переосмысления исходных установок сознания бывших ревнителей социальной, политической и религиозной справедливости превратились в некий пьедестал для Статуи Свободы, главного символа американского патриотизма, объединив-

шего когда-то под своим флагом несколько разных этнокультур европеекого происхождения. Но это был уже совсем иной патриотизм. С одной стороны, он утверждал изоляционистские принципы культурного развития, замыкаясь в своих ментальных структурах. А с другой стороны, провозглашая эти установки единственно верными, описанный патриотизм приобретал превращённую форму, аналогичную первобытным ментальным конструктам мифологического сознания, осваивавшего таким образом отчуждённую реальность. Соответственно, поменялись и акценты патриотических установок. Ориентация на успех как таковой и любой ценой, который к тому же измерялся преимущественно в звонкой монете, затмила те чисто духовные задачи, которые породили само это стремление к эффективной деятельности по очищению католической церкви от лицемерия, коррупции, стяжательства и т. д. Теперь главная проблема заключалась в способе выживания на новой земле. Христианское непротивление сменилось насилием, уважение к человеку слилось с почитанием преуспевающего собственника, а любовь, дружба и прочие сантименты стали лишь внешними знаками благопристойности.

Такой тип патриотического сознания строится на отчуждении человека от человека в самом широком смысле этого слова. Поэтому он может быть оценён с позиции общечеловеческих интересов как иллюзорный, ущербный, наконец, ложный. Следовательно, он не способен органично совместиться с глобализационными процессами как минимум в той их части, которая касается слияния духовных ценностей разных народов, лежащих в основе их культуротворчества. Хотелось бы также подчеркнуть, что обозначенный «ложный» патриотизм стал результатом эволюции общественного сознания под влиянием жизненно важных объективных обстоятельств, порождающих превращённо осознанные идеалы практики европейских эмигрантов в эпоху Реформации. Но подобный патриотизм никогда не был и не является в наше время единственным вариантом патриотического концепта в американской системе ценностей. Произведения Джека Лондона, Марка Твена, Эрнеста Хемингуэя, Скотта Фитцджеральда и других, в том числе и более поздних писателей, демонстрируют неприятие этого иллюзорного, в известной мере извращённого патриотизма. Они противопоставляют его трагически или юмористически окрашенную сущность философскому осмыслению шкалы предпочтений подлинного патриота, т. е. предлагают в качестве альтернативы адекватно отрефлексированные характеристики этого явления его суррогатам в деятельности и сознании американской элиты – хозяев политического олимпа, а ещё точнее, владельцев колоссального денежного мешка.

Разумеется, проанализированные тенденции свойственны отнюдь не только американской культуре. Например, европейский романтизм конца XVIII – начала XIX вв. руководствуется в своём твор-

честве аналогичными соображениями. А это значит, что он нацелен на критику сложившейся системы ценностей, в числе которых присутствуют и патриотические убеждения. Скажем, в «Житейских воззрениях кота Мура» великий немецкий романтик Э.Т.А. Гофман явил типичный образец подлинного патриота, критически настроенного в адрес тех, кто принимает и разделяет ценности лжепатриотизма, основанного на чванливом невежестве, простодушии, на эгоистической заботе о своих частных, как правило, меркантильных интересах или на равнодушии к духовным ценностям своей культуры. И всё же в наибольшей степени интерес автора настоящей статьи сосредоточен, естественно, на анализе места, роли и форм проявления патриотических устремлений *отечественной* культуры. В частности, полезно в научном отношении сопоставить реальные исторические процессы и события, которые рано или поздно вызвали к жизни те или иные проявления патриотического феномена. Цель такого выбора материала состоит в том, чтобы убедиться, что существуют общие закономерности, определяющие зависимость формы и содержания патриотического чувства от жизненных обстоятельств, в которых оно зарождается и функционирует. Такую возможность даёт нам сопоставление уже исследованной ситуации с эволюцией американского патриотизма и ещё подлежащего здесь изучению российского патриотизма на всех стадиях его существования.

Российский патриотизм начал складываться ещё в древности в ходе объединения славянских племён, живших вокруг Новгорода и по Днепру, на основе близости языков, сходства пантеонов, ведущих своё происхождение, как утверждает в комментариях к «Велесовой книге» А.И. Асов [4], от общего корня ариев. Самым существенным для превращения союза племён в единое государство русичей (от Старой Ладogi до Киевской Руси) был общий экономический интерес по освоению огромных свободных пространств, богатых природными ресурсами. Этот процесс протекал более или менее осознанно и потому не принимал превращённых форм. «Чужаки» (иноверцы и «немцы») так или иначе вписывались в эту историю. Но, во-первых, угрозы с их стороны, как и трудности природно-хозяйственной деятельности, вполне адекватно осознавались в силу достаточно развитого в ту эпоху рационального мышления. А во-вторых, эти угрозы первоначально не были слишком серьёзными, так как восточные славяне имели хорошие средства самозащиты. Кроме того, они обладали высокой маневренностью в безграничном лесном пространстве. Поэтому здесь нет смысла говорить об их отчуждённой практике, гораздо большую роль в возможности её появления, а следовательно, и влияния на возникновение превращённых форм патриотизма могла бы сыграть междоусобная борьба княжеских элит. Однако этому помешали два обстоятельства – нашествие татаро-монголов и крещение Руси.

Принятое в конце X в. православие сплотило все княжества в их противостоянии язычникам, позволило создать единое правление русского государства на обширной территории. Именно под этим знаменем единства, веры, царя и отечества (конкретно этот лозунг был сформулирован в XIX в. министром народного просвещения С.С. Уваровым, но в разных вариантах выступал объединяющей идеей в течение всей российской истории), русский народ освободился, в конце концов, и от татаро-монгольского ига. В связи с этим не стоит, пожалуй, приветствовать критическую оценку советскими историками формулы «православие – самодержавие – народность», выдававшими её за выражение реакционной сути политики царизма в XIX-XX вв. На самом деле, следует рассматривать эти составляющие как трёх китов, на которых окончательно сформировался и держался в течение всего обозримого прошлого отечественный патриотизм. Приглядевшись к подробностям каждой из упомянутых составляющих, можно смело утверждать, что, например, российское православие в той или иной степени сыграло положительную роль в исследуемом здесь процессе. Ибо в той мере, в какой христианство нельзя отождествлять с первобытным политеизмом, рационально отрефлексированные установки православия (особенно в отсутствие потребности в идеологической агрессии, уже упомянутой выше) не могли стать источником превращённых форм патриотизма. Совсем иначе обстоят дела с самодержавием. В частности, это очевидно на фоне сопровождавшего его на протяжении многих веков бюрократизма и крепостничества. И этот факт требует специального выяснения, тем более что как раз в этом аспекте, учитывая предшествовавший анализ патриотического сознания США, можно обнаружить при сравнении с Россией объективную закономерность развития патриотических настроений как таковых.

По мере укрепления самодержавного абсолютизма в России, не прошедшей Реформации и сохранившей патриархальный уклад общественной жизни снизу доверху, всё более явной становится тенденция воспринимать народ исключительно как подданных государства, а крепостных и вовсе не считать за людей, лишая их собственного достоинства. По сути дела, всё население страны рассматривалось государственными структурами только как средство решения своих собственных, бюрократических проблем, а вовсе не как цель развития общества, не как субъект российской культуротворческой практики. Это создавало крепкий фундамент для реального, объективно существующего отчуждения человеческих отношений в России. В свою очередь, этот факт явился основой деформации патриотических чувств, которые приобретают теперь превращённую форму функционирования. Сюда можно добавить и влияние антисемитских настроений, активно насаждавшихся в результате расширения сферы объективно отчуждённой реальности и субъективного осознания этого феномена в превращённой

форме ложного, иллюзорного патриотизма. И неважно, что в Америке отношения людей были обезчеловечены в оглядке на расовую принадлежность, а в России причиной деформации патриотического чувства оказалось социальное положение человека. Сформировавшаяся на этой почве объективная закономерность состояла в большем или меньшем вырождении адекватных форм проявления чувства любви к родине в результате установления бесчеловечной практики внутри собственных государственных границ.

Имеет смысл вспомнить, что схожая практика была унаследована и Советским Союзом, хотя на его знамени значилось, что человек (всесторонне развитая личность) – это цель коммунистического будущего (последнее слово здесь ключевое). А в настоящем, что особенно впечатляет, сам народ, а не только репрессивная политика государства по отношению к инакомыслящим, по причине недостаточного усвоения им мировой культуры или обработки зомбирующей идеологией искренне, до фанатизма, считал себя средством решения государственных задач. Он приносил не всегда оправданные жертвы на алтарь отечества из соображений так понятого патриотизма. Подобное отношение к родине тоже росло из отчуждённой реальности и прежде всего из формально-бюрократического отношения одной части общества к другой. Иной почвой формирования ложного патриотизма было отчуждение, сопровождавшееся сохранением и в советской реальности патриархального фундамента отношений между людьми, где буйно разрослись в общественном сознании объективные корни культ личности. Но вместе с этим в российском самосознании рождалось и специфическое противопоставление ложному патриотизму.

В середине XIX в. возникло особое явление в российской интеллектуальной среде, получившее, в отличие от западного интеллектуала, имя русского интеллигента. Суть этого различия состояла в обязательной *нравственной* заинтересованности интеллигенции, выступавшей от имени народа против самоуправства властей. Опираясь преимущественно на духовные ценности, интеллигенты противопоставляли ложному патриотическому официозу выдвинутые в качестве критериев подлинных патриотических ориентиров задачи осмысления и преодоления (в меру их понимания) отчуждения реальности, в котором тонула Россия. И здесь открывается ещё одна закономерность развития патриотизма, свойственная любой культуре. Речь идёт о протесте против иллюзорного чувства любви к родине и вытекающей из этой позиции неадекватно понятой ответственности – конечно, лишь в том случае, когда это чувство переживается искренне, а не превращается в ширму для сокрытия эгоистической выгоды «патриота». Подлинный патриотизм отличается и от иллюзорного, и от осознанно ложного требованием ликвидировать реальную, объективную основу, на которой произрастают все виды превращённых форм патриотического сознания, а именно отчуждение человека в обществе.

В заключение предпринятого анализа форм и особенностей патриотического сознания, возникающих в ходе его исторической эволюции у разных народов, необходимо указать ещё на одну объективную закономерность его развития. Наиболее актуально в границах исследования проблематики возможности совмещения патриотизма с процессами движения отдельно взятых культур в направлении всеобщей глобализации проследить упомянутую закономерность на материале российской истории культуры нескольких последних десятилетий. Особое внимание следует уделить при этом характеристике известного ещё в СССР диссидентского движения, с одной стороны, и вырождению составлявшего его сущность подлинного патриотизма в превращённые, иллюзорные формы, независимо от того, искренни или лицемерны его носители сегодня, – с другой стороны. В 60–е гг. прошлого века в советской стране появились особые люди – диссиденты, т. е. интеллигенты, наследники российской нравственно-интеллектуальной традиции столетней давности. Разумеется, многое изменилось в их образе мысли, политических и нравственных предпочтениях. Но неизменным осталось главное. Это было стремление помочь своему народу если не преодолеть отчуждённую реальность, слишком глубоко укоренившуюся к этому времени в общественной практике, то хотя бы осознать порочность патриотического сознания, порождённого этим отчуждением и выдававшего себя за оправданную и необходимую идеологию.

Диссиденты этой поры были, как правило, честными патриотами своей родины, всей душой соболезновавшие её ущербности. Но судьба их была трагичной не только потому, что они подвергались изощренным репрессиям – от лагерей и психушек до изгнания за кордон. Самое страшное состояло в том, что они были плоть от плоти эволюционировавшей далеко не в лучшую сторону советской интеллигенции с её двойственным сознанием, прекрасно проанализированным В.Ф. Кормером [9]. Она была не в состоянии предложить обществу пути уничтожения отчуждённых условий в отношениях и деятельности людей. Ведь то, что мы имели в советской стране в эпоху «зрелого социализма» во всей его уродливости и даже фантазмагоричности, было на самом деле результатом реализации идеалов российской интеллигенции, развенчанных ещё в «Вехах» [5]. И последовавшее за осознанием этой идеологической драмы «перевоплощение» отечественной интеллигенции не заставило себя долго ждать. Началось фактическое отстранение не только от прежних коммунистических утопий, что было бы, наверное, вполне понятно и оправданно. Всё более утверждалось противопоставление собственного критического сознания позитивным признакам патриотических настроений народа. Хорошим тоном стало ругать «эту страну» и её глупое население. Взамен же предлагалась ориентация на современные западные образцы демократии (невзирая на её двойные стандарты), на унификационные претензии более цивилизованных народов к подавлению чуждых для них самобытных ценностей.

Тем не менее нельзя не подчеркнуть, что это неприятие собственного культурного родства совсем не воспринимается носителями описанной позиции как антипатриотизм. Наоборот, исключая искателей личной выгоды, именно любовь к своей стране, живущей в страшном, противоречивом мире, заставляет этих людей перечеркнуть и её прошлое, и её настоящее, поскольку оно не совпадает с политическими ценностями авангарда цивилизации. Эта печальная альтернатива свидетельствует о том, что мы встречаемся здесь с ещё одной превращённой формой идеологии, порождающей ложный, вывернутый наизнанку патриотизм. К сожалению, такие настроения, по сути своей, не совместимы с глобализацией самостоятельных культур, если понимать последнюю не как механически оформленную сумму унифицированных по количественному преимуществу культурных ценностей научно-технического прогресса, а как гармоничное созвучие культурных ценностей разных народов, сохраняющих свои собственные этноментальные исторические корни.

Переходя к итогам обсуждения темы, заданной в настоящей статье, нужно остановиться на следующих выводах. Во-первых, патриотизм и глобализация в современных условиях вполне совместимы. Во-вторых, глобализация предполагает в этом случае диалогический, а не только монологический унифицирующий процесс объединения автономных культур. В-третьих, указанная совместимость распространяется именно на адекватные формы патриотического сознания, которые рассматривают отчуждение в любой культуре, в том числе и подлежащей глобализации, как препятствие. А потому, в-четвёртых, содержание глобализационных преобразований должно включать в себя деятельность по уничтожению или, по крайней мере, смягчению отчуждённых форм практики с целью обеспечения адекватности осознающих реальность патриотических концептов. Наконец, в-пятых, для построения эффективных критериев сочетания разных культур в единой мировой необходимо опираться не на то, что отличает одну культуру от другой, а на совокупность общих для всех культур единых гуманистических ценностей, выработанных человечеством как таковым в ходе исторического процесса обмена опытом их мирного сосуществования друг с другом – как соседей, как партнёров, а главное – людей, способных к творческому освоению окружающей среды. Как этого добиться на практике – в компетенции политиков, государственных деятелей, дипломатов и т. д., но не философов.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур. (Опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31-42.
3. Библия. М.: Российское Библейское общество, 2014. 1408 с. Ветхий Завет. Книга «Бытие».

4. Велесова книга. «Русские веды» / Пер. и комментарии А.И. Асова. 2-е изд., испр. М.: Менеджер, 1995. 317 с.
5. Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 235 с.
6. Власова В.Б. Социальная мифология и модернизация современной культуры // *Философия и культура*. 2015. № 11 (95). С. 1671–1681. DOI: 10.7256/1999–2793.2015.11.15702.
7. Гаршин Н.А. Патриотизм и космополитизм в условиях современного общества: системный анализ // *Философия и культура*. 2016. № 4 (100). С. 530–535. DOI: 10.7256/1999–2793.2016.4.14883.
8. Гуревич П.С., Палеева Н.Н. *Философия культуры*. 2-е изд., доп. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 424 с.
9. Кормер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // *Вопросы философии*. 1989. № 9. С. 65–80.
10. Коробейникова Л.А. *Глобализация и духовность. Критическое осмысление современного процесса глобализации*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016. 102 с.
11. Косидовский З. *Библейские сказания. Книги Ветхого и Нового Завета глазами историка* / Пер. с польск. Э. Гессен, Ю. Мирской. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 526 с.
12. Косидовский З. *Библейские сказания*. М.: Политиздат, 1969. 456 с.
13. Косидовский З. *Сказания евангелистов*. М.: Политиздат, 1977. 262 с.
14. Костяев А.И. *Цивилизационный процесс и патриотическое сознание в России: очерк новейшей историографии*. М.: URSS, 2008. 245 с.
15. Межуев В.М. *Культура и история*. М.: Политиздат, 1977. 199 с.
16. Фрэзер Дж. *Фольклор в Ветхом завете*. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 544 с.

POLITICAL ANTHROPOLOGY

Victoria VLASOVA

Ph.D in Philosophy, Senior Research Fellow of the Department of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: socio.philos@iph.ras.ru

HOW IS IT POSSIBLE TO COMBINE PATRIOTIC CONSCIOUSNESS WITH GLOBALIZATION PROCESSES?

Is it possible to combine patriotism with globalization processes? How real is process of consolidation of various ethnic cultures with different mentalities for joint solving of urgent socio-political, economic, environmental and other tasks of modern age? The author responds to these questions positively. To combine interests of the autonomous distinctive cultures as participants of globalization is quite possible, if not to reduce the processes of modernization to attempts of unification of unique humanitarian content. Ultimately, genuine cultural globalization, while maintaining the uniqueness of the cultural parameters acquired by each of these cultures due to their own historical experience must be the center of gravity in a single harmonious “counterpoint” of planetary cultural education and form the unity based on the system of universal values, present in every culture.

However, realization of above-mentioned national or ethnic identity in mutual relation of independent cultures with one another, especially during increase of globalization tendencies, has its pros and cons. Which of them will prevail in the future, largely is defined by the specific proposals regarding the tasks outlined in the title of this article. According to the author, nowadays the convergence of financial and economic, political and other interests of the different countries have reached so-called “point of no return”. It is supported by successes of scientific and technological revolution (in particular, in the area of the collection, storage and transmission of information, as well as in the area of granting of communication services, etc.), which made accessible the ways of inheritance and mutual exchange of spiritual values inside and between cultures, inconceivable some more decades ago. On the other hand,

because these values every time grew on the unique ethno-mental soil, their founders and carriers have actual grounds for claims for recognition of their “creative autonomy” in the intellectual space of the global culture or even absolute leadership bordering on a dictatorship.

However, the process of cultural globalization that we are witnessing today with big or smaller contradictions regarding its internal components, suggests that centrifugal, not to say the isolationist, forces (acting voluntarily or involuntarily), and equally the quest for world domination in the cultural sphere, sharply reduce the positive expectations for the creative practice of all mankind.

This situation can be explained by the fact that the implementation of the first of subjective tendencies of cultural creation eventually leads to the preservation of traditional (in the Weber’s sense) purposes of material and spiritual production. Ultimately, it contributes to washing away cultures of this kind from the historical scene as a whole. No less sad fate may befall the ethno-cultural entities with overestimated mental self-esteem. Their initiators, as a rule, intend to implant in the public consciousness of humanity exclusively private, the only true and worthy, from their point of view, ideals and norms of cultural creation, opposed to all other. Means of implementation of such plans are very different, from introduction of cultural values, designed in special way and dubiously reasoned, to direct coercion or threats.

Historical practice shows that, eventually, arises the resistance to unification, and not only at the level of individual behavior, but largely on a mass scale. If whole nations and states do not wish to unify their culture in this way, attempts of self-affirmation and, on the contrary, preservation their own mentality and their cultural roots results in regional conflicts of ethnical, religious, political etc. nature. The tragic consequences of these conflicts can call into question peaceful coexistence of the mankind as a whole. If to admit these conclusions fair, then it is necessary to decline execution of unification cultural policy in the course of development of globalization processes. In this case, in modern world it would be impossible to talk about opportunity of globalization of culture as such. However, exactly today, as never before, grew the need for communication of different ethnic cultures for mutual exchange of historical experience. No matter how much some countries care about their own selfish interests, they are forced to interact with alien mentalities of other peoples, which also seek to meet their needs, just in the name of optimal observance of their own interests. This feature of our age proves opportunity for building the global structure of cultural creation and serves as its objective prerequisite.

Naturally, the question arises: is it possible to find in modern ethnic or national polyphony such forms of unification of the disparate, at first glance, cultures, which would lead them to a common denominator, which would preserve the stability and development? The answer, of course, is positive. Moreover, the proposed practice is implemented already long ago. It does not

mean that the question has lost its relevance. First, the pace of socio-economic movement accelerate, and therefore, specific historical conditions of all participants in the globalization project are dramatically changing, setting new values, programs, and meanings. Second, there is a constant modernization of cultural attitudes of the ethno-mentalities, still opposing each other. The task of the present generations of historians, sociologists, culturologists, philosophers, and other humanitarian researchers of past and present is comparative analysis of objective characteristics, patterns, and most importantly, the effectiveness of these processes of modernization on a global scale. In the last decade, such analysis has unfolded in both national and world literature, and this problem promises rich and valuable results.

Described misinterpretation of cultural data as a way to solve globalization problems (even when it works for the unification of the original cultural material through an imitation of imposed pattern) is still an act of dialogue – conscious or intuitive, voluntary or protest, creative or epigone. In fact, this act always involves at least two *subjects* of cultural education. The most serious problem here is to make a distinction between different options of building a world culture from the position of aggregate interests of the mankind as whole. In turn, the answer to this general question requires a preliminary clarification of the criteria for the reinterpretation of established values of individual cultures. On the other hand, it is necessary to analyze how these criteria are compatible with the perspectives of the planetary unity of the total concept of cultural creation.

Keywords: globalization, patriotism, cultural creation, multiculturalism, cultural policy, unification, civilizational dialogue, dialogical culture, universal values, modernization

References

1. Berdyaev, N. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Moscow State University Publ., 1990. 256 pp. (In Russian)
2. *Bible* [Bible]. Moscow: The Bible society in Russian, 2014. 1408 pp. (In Russian)
3. Bibler, V. "Kul'tura. Dialog kul'tur. (Opyt opredeleniya)" [Culture. Dialogue of Cultures. (Experience of identification)], *Voprosy filosofii*, 1989, No. 6, pp. 31–42. (In Russian)
4. Frazer, J. *Fol'klor v Vetkhom zavete* [Folk-lore in the Old Testament]. Moscow: Politicheskoi literatury Publ., 1990. 544 pp. (In Russian)
5. Garshin, N. "Patriotizm i kosmopolitizm v usloviyakh sovremennogo obshchestva: sistemnyi analiz" [Patriotism and Cosmopolitanism in the Conditions of Modern Society: Systems Analysis], *Filosofiya i kul'tura*, 2016, No. 4, pp. 530–535. DOI: 10.7256/1999–2793.2016.4.14883. (In Russian)
6. Gurevich, P. & Paleeva, N. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 424 pp. (In Russian)

7. Kormer, V. “Dvoinoe soznanie intelligentsii i psevdokul'tura” [Double-consciousness of Intellectuals and Pseudo Culture], *Voprosy filosofii*, 1989, No. 9, pp. 65–80. (In Russian)
8. Korobeinikova, L. *Globalizatsiya i dukhovnost'. Kriticheskoe osmyslenie sovremennogo protsessa globalizatsii* [Globalization and Spirituality. Critical understanding of Contemporary Globalization]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2016. 102 pp. (In Russian)
9. Kosidovskii, Z. *Bibleiskie skazaniya* [Legends of the Bible]. Moscow: Politizdat Publ., 1969. 456 pp. (In Russian)
10. Kosidovskii, Z. *Bibleiskie skazaniya. Knigi Vetkhogo i Novogo Zaveta glazami istorika* [Legends of the Bible. Books of the Old and New Testament with the Eyes of the Historian], trans. E. Gessen & Y. Mirskoi. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2005. 526 pp. (In Russian)
11. Kosidovskii, Z. *Skazaniya evangelistov* [Legends of the Evangelists]. Moscow: Politizdat Publ., 1977. 262 pp. (In Russian)
12. Kostyaev, A. *Tsivilizatsionnyi protsess i patrioticheskoe soznanie v Rossii: ocherk noveishei istoriografii* [Civilization Process and Patriotic Consciousness in Russia: Essays on Modern Historiography]. Moscow: URSS Publ., 2008. 245 pp. (In Russian)
13. Mezhuev, V. *Kul'tura i istoriya* [Culture and History]. Moscow: Politizdat Publ., 1977. 199 pp. (In Russian)
14. *Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii* N.A. Berdyaeva, S.N. Bulgakova, M.O. Gershenzona, A.S. Izgoeva, B.A. Kistyakovskogo, P.B. Struve, S.L. Franka [Collection of Articles about the Russian Intelligentsia by N. Berdyaev, S. Bulgakov, M. Gershenson, A. Izgoyev, B. Kistyakovsky, P. Struve, S. Frank]. Sverdlovsk: Ural Federal University Publ., 1991. 235 pp. (In Russian)
15. *Velesova kniga*. “Russkie vedy” [Book of Veles. “Russian Veda”], trans. A. Asov. Moscow: Menedzher Publ., 1995. 317 pp. (In Russian)
16. Vlasova, V. “Sotsial'naya mifologiya i modernizatsiya sovremennoi kul'tury” [Social Mythology and Modernization of Contemporary Culture], *Filosofiya i kul'tura*, 2015, No. 11, pp. 1671–1681. DOI: 10.7256/1999–2793.2015.11.15702. (In Russian)